

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Статья / Article

УДК / UDC 347.78 : 004.896

Права на интеллектуальную собственность как основной объект инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники*

А. Н. Рудяков¹, А. В. Майоров², Е. Н. Минченков²

*¹Юридическая фирма «ЮСТ»,
Москва, Российская Федерация*

*²Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Формы государственно-частного взаимодействия являются одним из самых действенных инструментов развития отраслей экономики и вовлечения частного капитала в крупные инфраструктурные проекты. С практической точки зрения важно понимать место объекта инвестиционной деятельности в гражданском обороте.

В статье рассматривается проблема прав на интеллектуальную собственность с точки зрения основного и наиболее практически применимого объекта инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники.

Искусственный интеллект и робототехника представляют собой новое направление в инвестиционной деятельности, что обосновывает актуальность теоретического исследования законодательно обоснованной формы вышеназванных объектов.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, государственно-частное взаимодействие, государственно-частное партнерство, искусственный интеллект, робототехника, права на интеллектуальную собственность.

Для цитирования: Рудяков А.Н., Майоров А.В., Минченков Е.Н. Права на интеллектуальную собственность как основной объект инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и робототехники // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61). С. 80–95.

* Статья подготовлена при поддержке института права цифровой среды Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках исследования «Устранение барьеров регулирования инвестиционных проектов в сфере искусственного интеллекта и робототехники».

© Рудяков А. Н., Майоров А. В., Минченков Е. Н., 2020

Intellectual property rights as the main object of investment activity in the field of artificial intelligence and robotics*

Alexander N. Rudyakov¹, Arseniy V. Maiorov², Egor N. Minchenkov²

¹*YUST law firm
Moscow, Russian Federation*

²*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

The forms of public-private interaction are one of the most effective tools for the development of economic sectors and the involvement of private capital in large infrastructure projects. From a practical point of view, it is important to understand the place of the object of investment activity in civil circulation.

The article examines the problem of intellectual property rights from the point of view of the main and most practically applicable object of investment activity in the field of artificial intelligence and robotics.

Artificial intelligence and robotics represent a new direction in investment activity, which justifies the relevance of a theoretical study of the legally justified form of the above objects.

Key words: investing, public-private interaction, public-private partnership, artificial intelligence, robotics, intellectual property rights.

For citation: Rudyakov, A.N., Maiorov, A.V., Minchenkov, E.N. (2020) Prava na intellektual'nyuyu sobstvennost' kak osnovnoj ob"ekt investicionnoj deyatel'nosti v sfere iskusstvennogo intellekta i robototekhniki [Intellectual property rights as the main object of investment activity in the field of artificial intelligence and robotics]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (61). pp. 80–95. (In Russian).

Введение

Инвестиционная деятельность, как и любая предпринимательская деятельность, всегда направлена на извлечение прибыли (в том числе посредством приобретения прав на создаваемые активы).

В этом смысле таким активом является, прежде всего, искусственный интеллект и роботы, которые разрабатываются и строятся в рамках реализации инвестиционных проектов.

Перед раскрытием непосредственной темы исследования важно определить место искусственного интеллекта в системе гражданского права.

* The article was prepared with the support of the Digital Environment Law Institute of the National Research University «Higher School of Economics» as part of the study «Removing Barriers to Regulating Investment Projects in the Field of Artificial Intelligence and Robotics».

Теоретический обзор

И. В. Понкин указывал, что правовое положение искусственного интеллекта зависит от меры и природы автономности искусственного интеллекта [7].

И. М. Макаров утверждал, что роботы – это лишь особая вещь, требующая особого регулирования с определенной встроенной автономностью [5].

Г. А. Гаждиев указывал, что роботы не смогут в ближайшее время рассматривать и разбирать уголовные и гражданские дела, поскольку они не способны учесть все детали, в том числе и прежде всего – «человеческий фактор» [3].

М. Г. Щербаков отмечает, что «автономный искусственный интеллект, способный к самообучению, находящийся под контролем оператора, а также приносящий выгоды его владельце может быть признан субъектом права в виде цифрового лица» [15].

П. Черка отмечал, что права и обязанности атрибутируются субъектам права, следовательно, если возобладает точка зрения о том, что юнит искусственного интеллекта должен и будет нести ответственность за свои действия, его придётся сделать субъектом права [18].

А. В. Незнамов и В. Б. Наумов разработали проект Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте¹. В статье 29 этого документа указано, что роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов, если это прямо установлено применимым законодательством. Сами авторы этого проекта указывают, что тем самым они «сознательно оставили за его пределами регулирование вопроса о том, должны ли в будущем умные роботы стать субъектами права или остаться объектами»².

С. А. Соменков отмечает, что «на сегодняшний день с точки зрения гражданского права система, оснащенная искусственным интеллектом, – это вещь. При этом законодательство не содержит каких-либо особенностей правового режима этих вещей и не ограничивает их оборот. Однако у этого объекта есть ряд особенностей, связанных с возможностью его

¹ См.: Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта // URL: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia (дата обращения: 16.09.2018).

² Там же.

автономного функционирования. Поэтому деятельность, связанная с использованием искусственного интеллекта, нуждается в специальном правовом регулировании. Особенно очевидно это на примерах использования искусственного интеллекта в медицине, на транспорте и в других сферах, где ценой выхода искусственного интеллекта из-под контроля может быть не только имущественный вред, но даже здоровье и жизнь человека» [12].

Место искусственного интеллекта в гражданском обороте

По нашему мнению, искусственный интеллект и роботы уже сейчас могут быть отнесены к объектам гражданских прав, перечень которых установлен ст. 128 ГК РФ: и искусственный интеллект, и роботов следует квалифицировать в качестве разновидности охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности). В частности, искусственный интеллект может быть признан разновидностью программы для ЭВМ, а робот – изобретением. На наш взгляд, дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта преждевременна и зависит от перспектив технологического развития в ближайшие 10 лет.

Отнесение искусственного интеллекта и роботов к поименованным в ст. 128 ГК РФ объектам гражданских прав, во-первых, позволяет указанным объектам быть предметом гражданско-правовых сделок и участвовать в гражданском обороте (в том числе в рамках реализации инвестиционных проектов), а, во-вторых, обеспечивает возможность защиты прав на указанные объекты от посягательств третьих лиц.

Так, например, в соответствии с п. 19 ст. 7 Закона о ГЧП объектами соглашения о государственно-частном партнерстве могут быть: программы для ЭВМ, базы данных, информационные системы и (или) сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетях, в состав которых входят такие программы для ЭВМ и (или) базы данных, либо совокупность указанных объектов.

Вместе с тем, возможность искусственного интеллекта и роботов быть объектом сделок и инвестиционной деятельности не означает, что действующее регулирование не требует изменений. Напротив, действующее регулирование пока не учитывает многих аспектов – ни ответственности за действия искусственного интеллекта, ни последствий его позитивных действий.

Применительно к объектам инвестиционной деятельности внимание следует акцентировать не на ответственности за действия искусственного интеллекта и роботов (хотя это, безусловно, важный аспект), а на правовых последствиях их позитивных действий в виде создания новых объектов гражданских прав.

В частности, в результате деятельности искусственного интеллекта потенциально могут быть созданы следующие активы: а) произведения, программы для ЭВМ и иные объекты, и б) новая часть программного кода самого искусственного интеллекта, созданного им в результате самообучения.

Права на интеллектуальную собственность

Однако в настоящее время не регламентирован вопрос о том, кто является автором и правообладателем таких активов.

В случае, если искусственный интеллект или робот выступает инструментом создания таких активов (а его деятельность определяется человеком), представляется, что подлежат применению общие правила ГК РФ о результатах интеллектуальной деятельности.

Проблема же возникает в случае, когда такие активы создаются искусственным интеллектом, действующим не в качестве инструмента, а автономно от оператора. И если сейчас данный вопрос является в определенной степени преждевременным (поскольку на действующем этапе развития искусственный интеллект обладает ограниченной автономностью), со временем количество подобных искусственных интеллектов будет увеличиваться. Хотя, например, еще в 2019 году бот, созданный на основе искусственного интеллекта, написал несколько статей для журнала *Equire* с Сингапуре¹.

В соответствии с действующим законодательством не представляется возможным установить, кто является автором указанных выше активов, созданных искусственным интеллектом (действующим автономно).

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается исключительно физическое лицо (гражданин). Однако в рассматриваемой ситуации физические лица

¹ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/media/67074-esquire-v-singapore-vypustil-napisannyy-ii-botom-zhurnal> (дата обращения: 09.09.2020).

не принимают участия в создании актива (актив создается искусственным интеллектом автономно). В свою очередь искусственный интеллект не отнесен к субъектам гражданского права, перечень которых предусмотрен п. 1 ст. 2 ГК РФ, что в принципе исключает возможность признания за ним каких-либо гражданских прав.

Во-вторых, важным элементом для признания авторства согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ является творческий характер труда автора.

В этом смысле представляется верным мнение В. Витко об отсутствии оснований утверждать, что автором активов, созданных искусственным интеллектом автономно, является создатель искусственного интеллекта, поскольку его участие в их создании не носит творческого характера [2, с. 9]. Другие авторы также приходят к выводу об отсутствии юридических оснований признавать авторов искусственного интеллекта авторами полученных им результатов¹ [10].

Вопрос о том, можно ли признать деятельность самого искусственного интеллекта творческой, является дискуссионным [6]. ГК РФ не содержит определения творчества или критериев, позволяющих квалифицировать деятельность в качестве творческой, и по этой причине не способствует решению данного вопроса.

Например, по мнению некоторых авторов, искусственный интеллект не способен к творчеству, результат его деятельности лишь напоминает результаты интеллектуальной деятельности человека, а сам искусственный интеллект воспроизводит категории и образы, заложенные в него человеком, и подражает тому, что создано другими авторами [2].

Данное утверждение представляется небесспорным. Более того, при рассмотрении одного из дел, суд указал следующее:

«...само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать, что такой результат создан не творческим трудом»².

С учетом указанного выше, следует констатировать, что, исходя из п. 1 ст. 1228 ГК РФ, в отношении программ ЭВМ, произведений, новых частей программного кода и иных активов, созданных искусственным интеллектом (действующим автономно), невозможно установление авторства.

¹ Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 9.

² См., п. 3. Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015.

В свою очередь в действующей парадигме ГК РФ отсутствие автора влечет отсутствие как охраноспособности таких активов, так и возможности их коммерциализации (поскольку согласно п. 3 ст. 1228 ГК РФ исключительное право на результат интеллектуальной деятельности первоначально возникает у автора).

Сохранение текущего регулирования с большой долей вероятности лишит сферу искусственного интеллекта значительной части инвестиций (а, значит, и дополнительных стимулов развития), поскольку инвесторы не будут заинтересованы в реализации подобного проекта. О том, что отсутствие охраноспособности таких активов может ограничить развитие инноваций, отмечает и К. Христов [19].

С учетом указанного, полагаем, что в действующее законодательство должны быть внесены изменения, определяющие правовой режим активов, созданных искусственным интеллектом, действующим автономно.

В доктрине высказываются различные суждения о наиболее оптимальном регулировании правового режима таких активов.

Ряд авторов предлагает не квалифицировать такие активы в качестве охраняемых объектов интеллектуальной деятельности [2], другие же авторы не видят проблемы в том, чтобы признавать такие активы объектами интеллектуальной собственности [10, с. 326–327].

Несколько непоследовательным представляется использование термина искусственный интеллект и отказ в признании возможности осуществления таким интеллектом интеллектуальной деятельности.

Что же касается возможного регулирования, потенциально первоначальными правообладателями активов, созданных искусственным интеллектом автономно, могут быть:

- 1) искусственный интеллект;
- 2) разработчик искусственного интеллекта;
- 3) собственник (пользователь) искусственного интеллекта.

Ряд исследователей выделяет и других возможных претендентов, включая общество и государство [22].

Прежде чем проанализировать каждый из вариантов более детально, отметим, что, по нашему мнению, в отношении таких активов должен быть создан обособленный правовой режим, в рамках которого предоставляются только исключительные права на создаваемые активы. Что же касается авторства в отношении таких активов, следует согласиться с

новаторской позицией ряда авторов, предлагающих допустить возможность правовой охраны активов, созданных искусственным интеллектом, в качестве активов, не имеющих автора¹ [4; 10, с. 327–328].

Искусственный интеллект, не являясь субъектом гражданского права, не может быть признан автором результата интеллектуальной деятельности. Более того, целесообразность такого статуса, закрепляемого за искусственным интеллектом, вызывает вопросы.

Право авторства обеспечивает удовлетворение ряда потребностей, отраженных в пирамиде Маслоу (потребность в уважении и признании, потребность в безопасности, а также физиологические потребности – через призму дохода от продажи результатов интеллектуальной деятельности).

При этом искусственный интеллект не обладает какими-либо потребностями. В этой связи представляется верной мысль В. Витко об отсутствии практической необходимости в признании искусственного интеллекта автором, поскольку авторские права ему не нужны, так как невозможно будет ни распорядиться исключительным правом, ни защищать личные и имущественные права [2, с. 15].

Что же касается возможного авторства остальных указанных субъектов, по причине их неучастия в создании искусственным интеллектом актива, представляется необоснованным и нецелесообразным признание за ними права авторства.

Также необходимо отметить, что в контексте результатов, получаемых в ходе деятельности искусственного интеллекта, роль автора становится опосредованной [13, с. 43]. Как отмечает Ю. Харитоновна, в подавляющем большинстве случаев исключительные права осуществляются вторичными правообладателями (издателями, кинокомпаниями, платформами различного рода и др.) [14, с. 75–76].

Таким образом, именно исключительные права являются важнейшим элементом, поскольку именно они позволяют коммерциализировать разработку искусственного интеллекта. Схожего подхода придерживается В. Синельникова [10, с. 327–328].

Далее рассмотрим каждый из предлагаемых вариантов более подробно.

¹ Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 10.

Искусственный интеллект – правообладатель

Наделение искусственного интеллекта правами в отношении созданных им активов, практически не находит поддержки в доктрине. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, о котором было сказано выше – искусственный интеллект не является субъектом гражданского права. В этом смысле, не являясь дееспособным субъектом, искусственный интеллект не может ни обладать исключительными правами, ни распоряжаться ими. Более того, необходимость в распоряжении исключительными правами отсутствует, поскольку такое распоряжение не коррелирует с удовлетворением потребностей, которые у искусственного интеллекта отсутствуют.

К сторонникам рассматриваемого подхода относится, например, Р. Эбботт, который полагает, что предоставление соответствующих прав искусственному интеллекту является инновационным способом для поддержания развития искусственного интеллекта [17].

Вместе с тем, на наш взгляд, представляется верным утверждение А. Гурко, о том, что право должно защищать интересы людей, а не наделять машины определенным правовым статусом ради решения существующих правовых проблем [4, с. 11]. Схожей позиции придерживается М. Коп [20]. Против предоставления прав искусственному интеллекту выступают и другие исследователи [19].

Разработчик искусственного интеллекта – правообладатель

Предоставление прав на активы, созданные искусственным интеллектом, создателям искусственного интеллекта, напротив, имеет множество сторонников¹ [8; 11]. Права разработчиков могут быть обусловлены тем, что именно разработчик создал программный код, который затем на основании, в том числе алгоритмов, заложенных разработчиком, создал новый актив. Следовательно, разработчик внес существенный вклад в косвенное создание такого актива.

Вместе с тем, рассматриваемый подход имеет ряд недостатков. Так, например, поскольку искусственный интеллект обладает автономностью и возможностью самообучения, при создании искусственного интеллекта разработчик может даже не предполагать (и скорее всего, не предполагает) о возможных результатах деятельности искусственного интеллекта,

¹ Гаврилов Э.П. Советское авторское право: основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. С. 37.

выражаемых в созданных активах. Иными словами, никакого намерения, направленного на создание таких активов, у разработчика не было. Творческого участия в создании актива разработчик также не принимал. Схожего мнения придерживаются и другие исследователи¹ [1, с. 10].

Уместную аналогию приводит Р. Эбботт, указывая, что учителя, наставники и родители изобретателя не признаются правообладателями в отношении патентов такого изобретателя [17]. Другие авторы указывают также, что владельцы рояля, кисти, фотоаппарата или принтера не имеют прав на ритм, картину, фотографию или произведение, созданные указанными инструментами [22].

Собственник (пользователь) искусственного интеллекта – правообладатель

Наконец, третий вариант, в соответствии с которым первоначальным правообладателем активов, созданных искусственным интеллектом, следует признать собственника (пользователя) искусственного интеллекта, представляется нам наиболее сбалансированным.

Одним из сторонников такого подхода является А. Гурко, который предлагает использовать норму ст. 136 ГК РФ по аналогии в качестве основы. В частности, ст. 136 ГК РФ предусмотрено, что плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений. Эти нормы, по мнению указанного автора, являются наиболее оптимальными, однако, *de jure*, не могут быть применимы к отношениям, связанным с созданием активов искусственным интеллектом (в силу положений п.п. 1, 3 ст. 1227 ГК РФ).

При этом автор предлагает разделять правовые последствия для различных активов: правообладателем нового кода, созданного искусственным интеллектом в результате самообучения, должен признаваться собственник искусственного интеллекта, а правообладателем иных активов – пользователь искусственного интеллекта. Исследователь объясняет это тем, что зачастую пользователям все равно, какой объем информации заложен в программу, лишь бы она позволяла добиться желанной цели, а для собственников код может представлять ценность, так

¹ Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 9.

как его можно использовать для доработки программ и создания новых, более совершенных [4, с. 11, 12].

Позиции о том, что первоначальным правообладателем таких активов следует признать собственника или пользователя, придерживаются Е. Сесицкий¹, В. Витко [1, с. 12] и Р. Эбботт [16, р. 333–334].

Как отмечает Р. Познер, общество, авторы и изобретатели теоретически «заключили» общественный договор, в соответствии с которым общество предоставляет авторам и изобретателям исключительные права на их работу на ограниченное время, что обеспечивает им достаточный стимул для дальнейшего развития [21].

Полагаем, что аналогичный договор может быть «заключен» между обществом и собственниками (пользователями) искусственного интеллекта в целях дальнейшего развития данной сферы.

Вместе с тем, по мнению В. Витко, недостатком такого подхода является отсутствие фигуры автора, что, по его мнению, позволяет законным пользователям установить право авторства в отношении созданного искусственным интеллектом актива (так как у актива нет автора) [2, с. 13]. Схожий довод приводится и другими исследователями [16].

Однако, из рассмотренного выше п. 1 ст. 1228 ГК РФ следует, что автором является не то лицо, которое указало себя в качестве автора на оригинале произведения, а то, творческим трудом которого создан соответствующий актив. В случае законного пользователя отсутствует какой-либо творческий труд, повлекший создание актива, по этой причине пользователем не может быть признан автором.

В доктрине также высказано мнение о целесообразности закрепления за лицом, внесшим существенный финансовый, материальный, организационный или иной вклад в создание искусственным интеллектом программы, статуса изготовителя такого результата. Полагаем, что данное мнение следует признать схожим с позицией указанных выше исследователей в связи со следующим [9, с. 67–68].

Представляется, что таким лицом является, в первую очередь, пользователь. Так, пользователь осуществляет затраты на приобретение искусственного интеллекта (финансовый вклад), обеспечивает возможность функционирования искусственного интеллекта, в том числе путем предоставления доступа к необходимым данным (материальный

¹ См.: Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2019. С. 10.

вклад) и, в зависимости от ситуации, осуществляет постановку задачи (организационный вклад).

Следует отметить, что в доктрине встречается и противоположное суждение. Так, по мнению К. Христова, вклад пользователей в развитие искусственного интеллекта является наименьшим, поэтому их притязания на права в отношении активов являются наименее убедительными, а предоставление им прав может нанести вред развитию искусственного интеллекта [19].

С подходом К. Христова мы не можем согласиться по обстоятельствам, указанным ранее. По нашему мнению, данный вариант, напротив, будет способствовать развитию инвестиционной деятельности в сфере искусственного интеллекта и роботов, дополнительно мотивируя инвесторов к капиталовложению. Мотив для инвесторов будет заключаться в возможности приобретения в результате инвестиционной деятельности не только прав на созданный искусственный интеллект, но и иных активов, созданных самим искусственным интеллектом. В этой связи следует отметить, что в случае установления рассматриваемого правового режима инвесторы будут более заинтересованы в разработке и создании сложных систем искусственного интеллекта, в результате использования которых могут быть созданы новые активы (нежели систем, ориентированных на выполнение узких задач в рамках определенных алгоритмов).

Заключение

На основании изложенного может быть сделан вывод о том, что действующее регулирование позволяет реализовывать инвестиционные проекты, результатом которых является создание систем искусственного интеллекта и роботов, права на которые возникают у инвесторов.

Вместе с тем, активы, созданные искусственным интеллектом, действующим автономно, выпадают из сферы правового регулирования и не являются охраноспособными, что может препятствовать привлечению инвестиций в данную сферу. Для устранения указанного барьера предлагается внести изменения в ГК РФ о том, что исключительные права на такие активы принадлежат пользователю (собственнику) системы искусственного интеллекта, создавшего актив, однако право авторства на такие активы не возникает.

Список литературы

1. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 10.
2. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–10.
3. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15–30.
4. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 13.
5. Макаров И. М., Топчиев Ю. И. Робототехника: История и перспективы. М., 2003. 349 с.
6. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М., 2017. С. 119–122.
7. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
8. Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 41.
9. Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 63–71.
10. Синельникова В.Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 325–326.
11. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 22–23, 26.
12. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 2 (54).
13. Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Коммерциализация интеллектуальной собственности: проблемы регулирования // Патенты и лицензии. 2017. № 7. С. 41–47.
14. Харитонов Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и право: монография / Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. 288 с.
15. Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3.

16. Abbott, R.: Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd, 2020. P. 332–333. P. 333–334.

17. Abbott, R.: Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3064213> (дата обращения: 10.09.2020).

18. Cerka P., Grigiene J., Sirbikyte G. Liability for damages caused by artificial intelligence [Ответственность за ущерб, вызванный искусственным интеллектом] // Computer Law & Security Review. 2015, June. Vol. 31. Issue 3. P. 376–389.

19. Kalin Hristov, Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. DEA: The IP Law Review, Vol. 57. No. 3. 2017.

20. Mauritz Kop, AI & Intellectual Property: Towards an Articulated Public Domain. University of Texas School of Law, Texas Intellectual Property Law Journal (TIPLJ), Vol. 28. No. 1. 2020.

21. Richard Posner, Economic Analysis of Law, 6th ed. 2003. P. 40.

22. Yanisky-Ravid, Shlomit and Liu, Xiaoqiong (Jackie), When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. 39 Cardozo Law Review, 2239-2245 (2018).

References

1. Vitko, V. (2019). Analiz nauchny`x predstavlenij ob avtore i pravax na rezul`taty deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of scientific ideas about the author and the rights to the results of artificial intelligence]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava – IS. Copyright and related rights*. No. 2. P. 10. (In Russian).

2. Vitko, V. (2019). Analiz nauchny`x predstavlenij ob avtore i pravax na rezul`taty deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of scientific ideas about the author and the rights to the results of artificial intelligence]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava – IS. Copyright and related rights*. No. 3. pp. 5–10. (In Russian).

3. Gadzhiev, G.A. (2018) Yavlyaetsya li robot-agent litsom? (Poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoi ehkonomiki) [Is the robot agent a face? (Search for legal forms to regulate the digital economy)]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 1 (252). pp. 15–30. (In Russian).

4. Gurko, A. (2017) Iskusstvenny`j intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad v budushhee [Artificial intelligence and copyright: a look into the future]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhny`e prava – IS. Copyright and related rights*. No. 12. P. 13. (In Russian).

5. Makarov, I. M., Topcheev, Yu. I. (2003) *Robototekhnika: Istoriya i perspektivy* [Robotics: History and perspectives]. Moscow. 349 p. (In Russian).

6. Morkhat, P.M. (2017) *Iskusstvennyi intellekt: pravovoi vzglyad* [Artificial Intelligence: a Legal View]. Moscow. pp. 119–122. (In Russian).

7. Ponkin, I. V., Red'kina, A. I. (2018) Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby*

narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. No. 1. T. 22. pp. 91–109. (In Russian).

8. Ponkin, I., Red'kina, A. (2018) *Iskusstvennyi intellekt i pravo intelektual'noi sobstvennosti [Artificial intelligence and intellectual property law]. Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual property. Copyright and related rights. No. 2. P. 41. (In Russian).*

9. Rolinson, P., Arievidh, E.A., Ermolina, D.E. (2018). *Ob`ekty` intelektual`noj sobstvennosti, sozdavaemy`e s pomoshh`yu iskusstvennogo intellekta: osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom [Intellectual property objects created using artificial intelligence: features of the legal regime in Russia and abroad]. Zakon – Law. No. 5. pp. 63–71. (In Russian).*

10. Sinel'nikova, V.N. (2019). *Pravovoj rezhim rezul'tatov intelektual`noj deyatel`nosti, sozdanny`x samorazvivayushhimisya programmami [Legal regime of intellectual results created by self-developing programs]. Permskij yuridicheskij al'manax. Ezhegodny`j nauchny`j zhurnal – Annual scientific journal. No. 1. P. 325–326. (In Russian).*

11. Sinel'nikova, V.N., Revinskii, O.V. (2017) *Prava na rezul'taty iskusstvennogo intellekta [Rights to the results of artificial intelligence]. Kopirait – Copyright. No. 4. pp. 22–23, 26. (In Russian).*

12. Somenkov, S.A. (2019). *Iskusstvenny`j intellekt: ot ob`ekta k sub`ektu? [Artificial intelligence: from object to subject?]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina – Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. No. 2 (54). (In Russian).*

13. Fabrichny`j, S.Yu., Ruzakova, O.A. (2017). *Kommercializaciya intelektual`noj sobstvennosti: problemy` regulirovaniya [Commercialization of intellectual property: regulatory problems]. Patenty` i licenzii – Patents and licenses. No. 7. pp. 41–47. (In Russian).*

14. Xaritonova, Yu.S. (2019). *Pravovoj rezhim rezul'tatov deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta [Legal regime of the results of artificial intelligence]. Sovremennyye informacionny`e texnologii i pravo [Modern information technologies and law]. Moskovskij gosuniversitet im. M.V. Lomonosova, Yuridicheskij fakul'tet. Moscow: Statut. 288 p. (In Russian).*

15. Shherbakov, M.G. (2019). *Problemy` pravovogo regulirovaniya transformacii pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta: postanovka problemy` [Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: setting the problem]. Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki – Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. No. 3. (In Russian).*

16. Abbott, R. (2020). *Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies* (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd.

17. Abbott, R. (2017). *Artificial Intelligence, Big Data and Intellectual Property: Protecting Computer-Generated Works in the United Kingdom. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies* (Tanya Aplin, ed), Edward Elgar Publishing Ltd.

18. Cerka, P., Grigiene, J., Sirbikyte, G. (2015) *Liability for damages caused by artificial intelligence. Computer Law & Security Review. Vol. 31. Iss. 3. pp. 376–389.*

19. Hristov, K. (2017). *Artificial Intelligence and the Copyright Dilemma. DEA: The IP Law Review. Vol. 57. No. 3.*

20. Kop, M. (2020). AI & Intellectual Property: Towards an Articulated Public Domain. *University of Texas School of Law, Texas Intellectual Property Law Journal (TIPLJ)*. Vol. 28. No. 1.

21. Posner, R. (2003) *Economic Analysis of Law*. P. 40.

22. Yanisky-Ravid, S., Liu X. (2018) When Artificial Intelligence Systems Produce Inventions: The 3A Era and an Alternative Model for Patent Law. *Cardozo Law Review*. pp. 2239–2245.

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Александр Николаевич Рудяков, кандидат юридических наук, ассоциированный партнер юридической фирмы «ЮСТ», заместитель руководителя практики корпоративного и договорного права, Москва, Российская Федерация, e-mail: rudyakov@yust.ru

Арсений Валерьевич Майоров, кандидат политических наук, директор НОЦ урбанистики и киберантропологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: apparat@lengu.ru

Егор Николаевич Минченков, ассистент кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: egorminch96@yandex.ru

About the authors

Alexander Nikolaevich Rudyakov, Cand. Sci. (Law), associate partner of YUST law firm, Deputy head of corporate and contract law practice. Moscow, Russian Federation, e-mail: rudyakov@yust.ru

Arseniy Valeryevich Maiorov, Cand. Sci. (Polit.), Director of the REC of urban studies and cyberanthropology, Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: apparat@lengu.ru

Egor Nikolayevich Minchenkov, Assistant, Department of theory and history of state and law, Pushkin Leningrad state University, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: egorminch96@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.09.2020

Received: 10 September 2020

Принята к публикации: 14.09.2020

Accepted: 14 September 2020

Опубликована: 29.09.2020

Published: 29 September 2020